

Секция «Экономика отраслей и рынков и конкурентная политика»

**Связь концентрации и рыночной власти на рынке корпоративного
кредитования в России.**

Научный руководитель – Блохин Андрей Алексеевич

Кияев Андрей Олегович

Аспирант

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: akiyev@yahoo.com

Банковский сектор России едва ли мог возникнуть в том виде, в котором мы его имеем на сегодняшний день, без институциональных революций. В период до 1995 г. сразу после старта рыночных реформ развитие банковской сферы шло преимущественно за счет «спонтанной приватизации». Ключевым источником инвестиции в финансовую инфраструктуру были собственные средства, что привело к образованию наиболее «пестрой» палитры банков при большинстве предприятий сравнительно небольшого размера. Как результат, высокая маржинальность породила разрыв между финансовым и реальным секторами. Накануне кризиса 1998 г. институционализация сектора происходила «по линии» рентных отраслей - конъюнктурные доходы связанных с банком предприятий позволяли получать фондирования ряду банков за рубежом. В свою очередь «инсайдеры» получили доступ к региональным бюджетным процессам и региональному аппарату управления, выиграв «конкуренцию» с федеральными банками. Второй этап институционализации проходил период с 2005 по 2008 гг., когда «банковский олигархат» стал уступать тренду централизации сектора. Новым инструментом институционализации на данном этапе стали барьеры доступа к заемщику. После выхода из кризиса 2008 г. банковский сектор оказался разделенным на растущий госсектор и слабо развивающийся частный, который обслуживал частных клиентов. Третий и заключительный этап институционализации - оформление правовых норм для выстроенных барьеров. Борьба с кэптивными банками в 2010-х окончательно завершилась после введение трехуровневой банковской системы в 2017 г., а также существенно ужесточились нормативы банковского регулирования вплоть до введения элементов Базель-III.

Возникает вопрос, а должна ли институционализация рынка, создавать предпосылки для формирования рыночной структуры с одним или несколькими лидерами, определяющих количественные параметры рынка (цены или объемы)? Дать однозначный ответ с опорой на эмпирические исследования российского банковского сектора нельзя, хотя в ряде работ в зависимости от их хронологического среза данная зависимость прослеживается. Например, анализ паттернов поведения российских банков на данных конца 90-х в (Алескеров и др., 2006), позволяет говорить о более чем нескольких десятках различных моделей поведения банков, сопровождавших период наиболее низкой концентрации на рынке. В свою очередь, в статьях, основанных на данных 00-х годов, например, (Дробышевский, Пащенко, 2006) и (Верников, 2013), на основе эмпирической проверки теоретических моделей отраслевой конкуренции, делается вывод о вероятном существовании монополистической или олигопольной структуры банковского рынка в России, а упоминается все возрастающая рыночная власть лидеров. Иными словами, выросла вероятная роль лидеров в выборе ценовых либо количественных ориентиров для всего рынка, а не только сегментация по клиентскому портфелю.

Напрямую проблема связи институциональной сегментации и рыночной власти на данных российского банковского сектора наиболее детально описывается в серии статей Мамонова М. Например, в (Мамонов, 2017) эмпирически обнаружено, что инициация "цены

продукта" (уровня процентных ставок) исходит, как правило, от банков из топ-30, а эпизоды ценовых войн характерны для банков со схожим размером активов. Качественно схожий результат был представлен в статье (Мамонов, 2020). Результаты в статье позволяют утверждать, что различные модели олигополии (лидерство, картель, ценовые войны) вполне применимы к отдельным банковским группам, что косвенно свидетельствует об ограниченности рыночного доминирования крупнейших банков даже несмотря на объективно существующую на сегодняшний день институциональную ренту (или преимущества) в банковском секторе России, если следовать терминологии в (Блохин, Стерник, 2019).

В данной статье эмпирически исследовалась связь концентрации в банковском секторе России и уровня рыночной власти на уровне отдельных институционализированных банковских групп на базе месячных микро-данных кредитования нефинансовых организаций за 2011-2020 гг. Были выбраны 284 банка, которые функционировали на 1 января 2011 г. и на 1 декабря 2019 г., и были объединены в 4 группы. Применяя векторную авторегрессию, была оценена количественная реакция банка на изменение объемов кредитования его конкурентами.

По результатам анализа подтверждено, что Сбербанк, являясь лидером в корпоративном кредитовании, обладает наибольшей рыночной властью, определяя динамику объемов кредитования всех остальных групп банков. Такое взаимодействие характерно для модели с лидером рынка, или модели Штакельберга. Однако также выявлено статистически значимое подтверждение тому, что существует определенное верхнее ограничение лидерской власти по объемам. Кроме этого, обнаружена возможность существования асимметрии канала перераспределения объемов кредитования в период «банковских войн» для банков из Топ-20.

Источники и литература

1. Алескеров Ф., Белоусова В., Егорова Л., Миркин Б. (2013) Анализ паттернов в статике и динамике, часть 2: примеры применения к анализу социально-экономических процессов // Бизнес-информатика. №4 (26).
2. Блохин А., Стерник С. (2019) Институциональная рента как нерыночный механизм экономического роста // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. 2019. №17.
3. Верников. А. (2013) «Национальные чемпионы» в структуре российского рынка банковских услуг // «Вопросы экономики», № 3, с.94-108.
4. Дробышевский С., Пашенко С. (2006), Анализ конкуренции в российском банковском секторе. - ИЭПП.
5. Мамонов М. (2017). Ценовые войны на российском кредитном рынке: кто с кем воюет и когда образует сговор? // Вопросы экономики. № 4. С. 79-99.
6. Мамонов М. (2020). Ценовые реакции на кредитном рынке и стабильность российских банков в кризисные и бескризисные периоды в экономики // Журнал Новой экономической ассоциации, № 1 (45), С. 65-110.